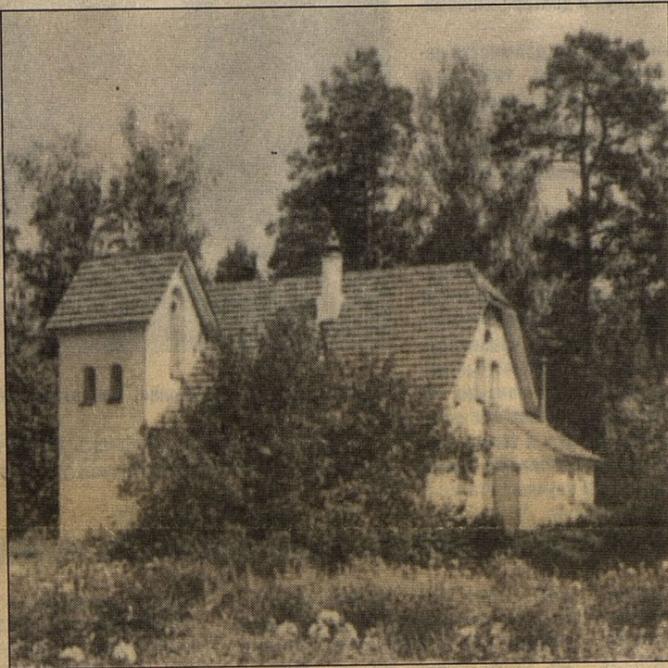

Я, сиротка наивная, долго думал, что центр литературной жизни - это Москва. И даже долгие и частые посещения ресторана Центрального Дома литераторов (со стороны б. улицы Воровского), где некогда находилась деревянная скульптура писателя Пришвина, ничему меня не научили. Представьте себе прилично выпившего и хорошо поевшего в ЦДЛ члена СП СССР (например, меня), который спускается из Дубового зала в подвальный гардероб и видит привидение! Сидит на пенке леший в болотных сапогах с запущенной дикой бородой и спутавшимися кудрями. Деревянные его глаза блестят, рот полуоткрыт... В общем, человека на крутой лесенке хватал ужас! Чтобы постронные и приравненные к ним иностранцы не подумали, что это скульптура неизвестного сумасшедшего литератора, внизу прибита таблица «М. М. Пришвин». Позже, за литературной рюмкой чая, старые творцы рассказывали о гениальности Михаила Михайловича. Замечу в скобках, что никогда и ни за что ни один живой писатель не скажет доброго слова о творчестве другого писателя. Гениальность всегда имела расцветку бытовых ухищрений, умения жить, нахрапистости и хитрости. Пришвин, успешно начавший свой литературный путь еще до революции, очень скоро понял, в какой он теперь стране оказался, и начал «косить» под... писателя! То есть, имея роскошную барскую квартиру в столице, обставленную палисандровой (а не жалкой красной или карельской мебелью!), обвешенной картинами и иконами, забитой хлебниковским серебром, М. М. жил в Подмосковье. Наезжая изредка в Москву на заседания Союза писателей, он приходил сюда в болотных сапогах, поддевке и со сворой собак на поводке. Каждому стукачу НКВД в 1937 - 1953 гг. сразу становилось понятно, что такой (!) человек троцкистом быть не может по определению. Вот этой гениальной изобретательности Пришвина и поставлен монумент в предбаннике писательского дома. Прелесть находки Михаила Михайловича пришлась по душе и другим, испугавшимся надвинувшейся беде: писатели стали прятаться по ближнему и дальнему Подмосковью, а кто-то уезжал и подальше. Например, гонимая Марина Цветаева выбрала для себя маленький тогда городок в Калужской области - Тарусу. Место здесь чудесное: берег Оки, воздушные леса и просторы, на том берегу прекрасное имение-заповедник художника В. Поленова, тишина, парное молоко... Даже после смерти Марины Ивановны здесь долго жила ее дочь - Ариадна Эфрон. Кстати, о литературе. И по сию пору в Тарусе проводят так называемые «Цветаевские костры», литературные чтения в память поэта. Места тут вполне писательские, совсем недалеко отсюда, в Полотняном Заводе, родовом гнезде Гончаровых - любимое место отдыха самого Пушкина А. С., он здесь, говорят, хотел остаться навсегда. В другом калужском городке - Обнинске, в Центре ядерных исследований - и сейчас судят писателя Игоря Сутягина, научного сотрудника Института США и Канады, которого обвиняют в шпионаже в пользу Штатов и Англии за передачу материалов из своего секретного учебника. Как видите, сочините-

ли основательно полюбили калужскую землю. С 1955 года в Тарусе прочно поселился другой признанный до конца наш литературный гений - Паустовский, выдвинутый некогда французами на Нобелевскую премию, но сдвинутый с нее тов. Сталиным. Так вот Константин Георгиевич прибыл в Тарусу и прожил здесь многие годы, плодотворно работая; тут написано три романа, многие рассказы. Здесь же его и похоронили 14 июля 1968 года. Очень долго и сейчас еще (слава Богу!) калужский городок был тишим местом. Как ни любил Паустовский тишину и уединение, но все же писателю без коллег скучновато. По-

этому К. Г. часто письменно приглашал к себе друзей из Москвы, но предупреждал только, чтобы они не распространялись о своей писательской принадлежности: хитрые калужские аборигены, распознав столичных богатеев, драли с них три шкуры за жилье, синее молоко, переезд через Оку - за все. Так, как правило, было со всеми гостями, пока не приехал один неплохой сочинитель (иначе не был бы приглашен самим Паустовским), но близкий к КГБ человек (иначе был бы поселен в доме великого писателя!). При первом же мужицком хитрованстве относительно цен он грозно вынимал писательский блокнот и говорил с раскатистыми интонациями следователя с Лубянки:

Литературная область

- Пять рублей за комнату? Как ваша фамилия, гражданин?

Паустовский потом с восторгом писал в воспоминаниях, что по приезде этого знакомца в Тарусе немедленно налаживалась сносная жизнь: тут же чинились лодочные моторы, жирность сливков и их доставка были безукоризненными, местные девушки становились необычно улыбающимися и тому подобное.

Про Тарусу прослышали в Москве и стали сюда слетаться молодые непризнанные гении. Один из них тут работал учителем в средней школе. Я имею в виду Булата Окуджаву. Остальные (Наум Коржавин, Владимир Корнилов) приезжали на калужскую землю на «хитрой» электричке. Хитрой называю ее потому, что стартовала она из Москвы с Курского вокзала, тогда как основные электропоезда на Калугу шли (и идут) - с Киевского. Как хорошо было обманывать слежку! Все думают, что ты едешь в Подольск или Чехов, а ты оказываешься в «боковой» российской области. Всего 36 километров от Серпухова - и ты уже в другом, нестоличном, мире. О, вос-

ва. Скромный сборничек, крохотный тираж, провинциальное издательство - а что тут началось! Не было ни одного столичного журнала или газеты, ни одного партсобрания в СП СССР, где бы ни проклинали на все голоса звонкий журнальчик «ТС». Разумеется, ни о каком продолжении альманаха и речи быть не могло. Паустовский вскоре уехал во Францию и Болгарию, Окуджава получил выговор как член КПСС, Коржавин навострил лыжи в эмиграцию... Вот такие шекспировские страсти кипели в скромном калужском городке.

А упомянутый выше «Метрополь» вышел через 18 лет в Москве, где и Окуджава, и Коржавин, и Цветаева звучали уже не просительнo-жалобно, а нахально-набатно. И вот тут власть не стала церемониться: Василия Аксенова лишили гражданства СССР, с десяток человек исключили из СП, на всех наложили табу на публикационную деятельность, выезды за границу, выбрасывали рукописи из тематических планов издательства, рассыпали наборы готовых книг. По сути протестовало группа писателей с советской властью и стало началом конца последней. «Метрополь», группа «Апрель», V съезд Союза кинематографистов СССР в Кремле, Фарос, Ельцин на БТР у Белого дома - конец! Вот, оказывается, как опасно прижимать сочинителей к стене - они в такой ситуации становятся жутко сообразительными!

Современная творческая интеллигенция сделала два вывода из литературного опыта калужской Тарусы.

Первый: раз такие умные и интересные люди сюда тянулись, значит, тут что-то да есть!

Второй: свистать всех под Калугу!

Сперва здесь прочно обосновалась съемочная группа Никиты Михалкова. Все его «среднерусские» фильмы снимались именно тут. Недаром мы, а за нами Канны и Голливуд, ахали, узнавая, какие шикарные просторы еще имеются на родной земле. Никита Сергеевич долго темнил, говорил, что это где-то в Сибири, а сам не уезжал далее 150 км от киностудии «Мосфильм».

Потом нашлись и другие сообразительные люди. Вы удивитесь, но прямо-таки в Академии наук СССР. В отделении не языка и литературы, конечно! А физики. Здесь, по дороге на Тарусу возвели суперсовременный наукоград будущего - Протвино. Создали тут не какой-нибудь НИИ или лабораторию, а целый комплекс Института физики высоких энергий. Опыт подобного совместного проживания высокопоставленных академиков в стране уже был (Академгородок под Новосибирском, подмосковная Дубна); отличие же Протвино от них было в том, что он стал самым новым, самым (увы!) последним в этой серии наукоградов в нашей стране. Учили прежние ошибки, настроили какие-то немислимые биосистемы, чудные по уюту гостиницы...

Третьими тут появились телевизионщики. Раскрою вам страшную историческую тайну, потому что срок давности - увы и ах - уже прошел.

Между Протвином и Тарусой вдруг замесались как-то в одночасье невидимые даже здесь иномарки, в них сидели полузнаемые журналисты-международники, ведущие с ТВ, дикторы Всеобщего радио и фотомодели, которых в советские времена еще называли «манекенщицами». Что происходит в Центральной России на стыке двух областей, спрашивали друг друга жители подмосковного Протвино и калужской Тарусы? Оказывается - заговор! Даже самый настоящий. Дело в том, что работники Центрального телевидения и Всеобщего радио СССР никогда не были объединены ничем, кроме пропуска в здание министерства на Новокузнецкой и в телецентр в Останкине. У них не имелось ни своей творческой, ни даже профсоюзной организации. Все сладости профессиональных союзов - писателей, художников, ар-

тистов, киношников, композиторов и архитекторов - обходили богатых и амбициозных телевизионщиков стороной. Их не принимали в эти самые союзы, они не могли попадать на тусовочные мероприятия во всякие там ВТО и Дома кино. Над их местом работы откровенно смеялись в глаза приемные комиссии союзов писателей и композиторов. А ведь на телевидении и на радио были свои авторы, свои любимые страной режиссеры и актеры, свои художники и операторы. Но ни путевок в Пицунду, ни мест за столиком ресторана в Доме актера, ни посещения Книжной лавки писателей на Кузнецком им было не видеть, как своих ушей. Тогда они решили тайно собраться на границе двух областей и учредить свой собственный, Телевизионный союз СССР.

Это происходило еще при последних вздохах советской власти, но она и из могилы смогла узнать и придушить творческую потугу служителей музыки голубого экрана и радиоволны своей костлявой рукой. Между прочим, и сегодня такого не имеется.

Нет, согласитесь, действительно, что-то магическое есть в этом клочке калужской земли. Или это институт высоких энергий такую потенцию тут развивает? Не знаю, зато расскажу о Тарусе еще одну поучительную историю. Я как-то пригласил сюда своего приятеля из Мадрида профессора Анхеля Моралеса, он историк, человек, знающий семь языков, в том числе и русский, конечно. Какая же может быть всемирная история без нашей?

Анхелю у нас все чрезвычайно понравилось, а Таруса привела его в экстаз. Выяснилось, что из всего увиденного и услышанного на калужской земле испанца из Мадрида поразила... надпись на окской пристани. Чего там особенного? Оказывается, местное речное пассажирское пароходство тридирчиво выставляет свои требования к путешествуящим по речным просторам нашей Родины. Анхеля жутко развеселил наш сервис, который обещал туристам на теплоходах по Оке, покупавшим туры с «кормежкой», более комфортабельные условия передвижения по волнам. Надо знать Испанию. В горячее лето (а так других и не бывает) резким испаряется вода из искусственных озер охлаждения атомных реакторов электростанций. Тогда официально запрещается поливать питьевой водой тротуары и газоны. Воду отключают в столице королевства не хуже, чем где-нибудь в Гудермесе. Анхель, который обожал воду вообще, а прохладную русскую в особенности, лег на палубу теплоходика и заявил, что он никак больше из Тарусы не уедет, и объявил капитану, что он покупает обеды для всех странствующих на его плавсредстве, но за это поплывет с ними по всей России. Умный речник тут же пригласил мадриленцо в свою маленькую каюту, где и продемонстрировал чудеса русского речного гостеприимства... Мы с кэпом потом с трудом высадили доброго профессора на Серпуховской пристани.

Евгений РЫК,
доктор философских наук.

г. Таруса Калужской обл.

27.3.02
Паустовский Константин Георгиевич